

Столица — мой дом

Борис Миронович Мержанов из семьи, где на протяжении полутора столетий люди занимались и занимаются архитектурой: дед, отец, он сам, жена, сын... Мирон Иванович Мержанов был одним из основателей Союза архитекторов, одним из авторов проекта Дома архитектора в Гранатном переулке, главным архитектором ВЦИКа, архитектором Иосифа Сталина. Борис Миронович унаследовал от отца любовь к своей профессии, он доктор наук, автор 117 научных работ. Его мнение особенно ценно сегодня, когда меняется облик российских городов, в том числе и Москвы, когда разрушаются памятники архитектуры и возводятся новые строения в духе нынешнего времени. Один из примеров - изменение интерьера и назначения знаменитого в столице ресторана в Доме архитектора, который создавал перед войной Мирон Мержанов, а реставрировал в 60-е годы Борис Мержанов. Архитекторы, безусловно, преобразуют город своими проектами, но считаются ли при этом с ними и их творениями власть имущие? В разговоре участвуют Борис Миронович Мержанов, его супруга Эльвира Петровна и их сын Сергей.

Моск. правда. — 2004. — 29 авг. — 4 сент. — с. 8, 16.

Архитектор преобразует город

НО СЧИТАЮТСЯ ЛИ С НИМ И ЕГО ТВОРЕНИЯМИ?

- Борис Миронович, чем объяснить уважение к архитектуре и архитекторам в 30-е и 40-е годы прошлого века? Почему стоящие у власти, по вине которых погибли десятки тысяч людей, так считались с архитекторами?

- Потому что архитекторы настолько энергично поддерживали престиж своей профессии, что добились беспрецедентного в истории архитектуры решения: 6 процентов от всех проектных работ, выполняемых в Советском Союзе, отчислялось в Союз архитекторов. Это была очень богатая организация, которая сумела за три предвоенных года сделать, пожалуй, больше, чем за сорок последующих. Был отреставрирован дворец в Суханове, открылись дома отдыха в Зеленогорске и Дзинтари, построен прекраснейший Дом архитектора, который многие десятилетия оставался эталоном творческого клуба.

Архитекторы могли позволить себе содержать его, не думая о том, даст ресторан Дома архитектора прибыль или не даст. Важно было, что есть творческий клуб, где могут собраться единомышленники, творческие люди из разных городов и стран, где можно проводить дискуссии, выставки, где архитекторам по-домашнему уютно и удобно. Перед войной на столиках стояли даже телефоны, по которым они могли звонить и в Москву, и в другие города.

Но уже в 50-е годы архитектуру просто-напросто растоптали. Кстати, при активном участии самих архитекторов, которые сыграли в поддавки с государством и посыпали свою голову пеплом. Они поддакивали: да, да, мы плохие, да, да, нас надо наказывать, да, да, мы занимаемся излишествами... И их сразу же низвели до помощников прорабов.

- Вы считаете, что архитекторы и сегодня не подняли головы?

- Конечно, не подняли. Я не беру на себя смелость комментировать отношения между Алабяном и Кагановичем. Но они были тактны между собой, они позволяли выходить с очень крупными и значимыми по тем временам предложениями непосредственно в правительство. Архитектуру курировали все, кому не лень. И член Политбюро Каганович ею занимался, и Берия вмешивался, и Сталин был не безразличен к каким-то волевым решениям... Но тем не менее архитекторы все-таки ходили с высоко поднятой головой.

Сегодня группа высокооплачи-

ваемых и номенклатурно уважаемых людей боится даже позвонить Лужкову, чтобы записаться на прием. А должно быть по-другому: если просится на прием председатель, скажем, Союза архитекторов, мэр должен отложить все дела и принять его.

- Борис Миронович, почему потребовалось изменить интерьер и назначение ресторана в Доме архитектора? Может быть, это и не такой уж яркий пример, но все-таки отношение к памятникам архитектуры здесь явно прослеживается.

- Разумеется, прослеживается. Ресторан сделали коммерческим заведением, которое должно давать прибыль. А раз так, то здесь уже работают законы рыночной экономики. Хорошие они или плохие, нравятся они нам или нет, но они объективны. Там, где работает рубль, не работает искусство. Там же, где работает искусство, рубль должен централизованно поступать откуда-то сверху - от мецената ли, от государства ли, от группы ли богатых людей... И тогда сохранился бы элитарный клуб.

- Но имели ли право новые владельцы ресторана заменить интерьер? Так ведь можно купить любой памятник архитектуры и переделать его, практически уничтожив эту архитектуру?

- Я думаю, что с тех пор, как Дом архитектора стал юридически принадлежать Москомимуществу, всякие разговоры о правах надо забыть. Нам следует говорить большое спасибо господам уже за то, что они позволяют Союзу архитекторов проводить в Доме творческие мероприятия. Мы прозевали огромный пакет прав. В том числе и по Дому творчества в Суханове. Сейчас их с трудом возвращаем.

А о Доме архитектора с ужасом думаю, что мы потеряли его навсегда.

- А как же ваши авторские права?

- О них никто и не вспомнил, как и о том, что ресторан органично расположен внутри самого Дома, где кругом антиквариат, и вовсе не безразлично, что там будут посторонние люди. Ресторан, видите ли, стал архаичен для сегодняшней богатенькой молодежи по своей архитектуре, и его безвкусно переделали. Архитекторы теперь туда не ходят, у них нет таких денег. Моя жена видела новый интерьер: ничего индивидуального и интересного, просто изуродовали архитектуру.

- Теперь он потерян для архитекторов?

- Я вообще-то оптимист. Верю, что лет через десять-пятнадцать все встанет на свои места. И если архитектурное сообщество, не знаю, как оно будет к тому времени называться, - союз ли, ассоциация ли,

прежней, но внутри с историческим зданием произошло, вероятно, то же, что и с рестораном Дома архитектора. Сделали, например, тонированные стекла, что с точки зрения реконструкции, реставрации не лезет ни в какие ворота. Ну, не было во времена Тропинина тонированных стекол! Разве нельзя было сохранить этот дом, как историческую ценность, открыв ресторан в другом месте?

Вопрос этот поднимал еще архитектор и писатель Виктор Некрасов. Комментируя то, что сделано в Сталинграде после войны, он приводил в качестве примера Италию и Англию, где бережно относятся к каждому куску старинной стены. К нему пристраивают новое сооружение, сохраняя то, что осталось от прежних времен и культур, не ломая, как у нас.

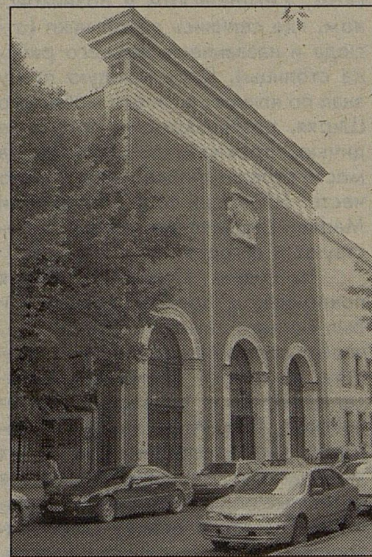
Мне не понравились слова первого заместителя мэра Москвы Владимира Ресина по поводу старых сооружений. Он сравнил их с большим человеком, который уже при-

ются, по-новому узнают Россию... Все ценно именно тем, что сделано несколько веков назад.

- Борис Миронович, каково ваше отношение к сносу гостиницы «Россия»?

- Гостиница «Россия» - это не памятник архитектуры. Тридцать лет тому назад не было ленивого, который бы ни бросил палку в это сооружение. По поводу сноса «Зарядья» тогда кричали: «Сволочи!» По поводу строительства бездарной, но решившей проблему, гостиницы «Россия»: «Сволочи!» Теперь стали побогаче и решили построить на этом месте новую, масштабную с Китай-городом застройку с роскошными номерами, и опять кричат: «Сволочи!» Ну нельзя же, как хамелеон, менять взгляды на архитектуру!

Давайте возьмем в качестве примера Кремль. Как ругали Дворец съездов! Но посмотрите на Большой Кремлевский дворец архитектора Константина Тона, который был построен за сто лет до

этого. С точки зрения архитектуры, с точки зрения вторжения в архитектурно-декоративно-художественную ткань Кремлевского холма это было полное безобразие. Вы посмотрите, как тоновский дворец разрушил Кремль, какими карликами стали казаться роскошные соборы, даже Иван Великий. С этих позиций сооружение архитектора Михаила Посохина было очень скромным, но его раздолбали. Прошло время, и люди привыкли к тоновскому «бронепоезду», а Дворец съездов стал гордостью страны, символом столицы.

В архитектуре нельзя не учитывать фактор времени, меняющийся отношение к постройкам. Многие из того, что не воспринималось раньше, сейчас кажется правомерным и естественным. Та же метаморфоза с гостиницей «Россия» на протяжении менее чем полувека.

- Эльвира Петровна, вы не все разделяете эту позицию?

Э. П.: - О гостинице «Россия», как о памятнике архитектуры, никто и не говорит. Людей волнует другое: зачем именно сегодня разрушать эти здания? Разве мы так богаты, чтобы сносить то, что есть. Почему не строить на свободной площади, в других местах?

Б. М.: - Действуют объективные законы рыночной экономики. Если бы снос гостиницы и сооружение на ее месте другой не усилило бы большую прибыль, «Россию» не трогали бы еще много лет. Но экономисты все подсчитали, и теперь выбирается именно этот путь. Есть еще один объективный закон экономики. Чем больше крутятся денег вокруг объектов, тем больше подоходный налог, с которого платятся пенсии, обеспечиваются здравоохранение и образование. Чем больше оборот, тем больше налог. Если бы не было этих средств, у нас бы все сто процентов профессоров мели бы улицы, а так - только половина. Я поднимаю руки, когда вижу, с одной стороны, не вполне убедительные выкрики общности, а с другой - совершенно мощный каток объективных законов рыночной экономики, которые переделывают нашу страну.

Э. П.: - Но зачем переделывать Москву под рыночную экономику? Нужно ли это москвичам, если зарплаты и пенсии как были низкими, так и остались, если денег на социальные нужды как не было, так и нет. Мы говорим сейчас об архитектуре.

Окончание на 16-й стр.

287

Архитектор преобразжает город 288

Начало на 8-й стр.

Зачем уничтожать памятники истории и культуры?! Не выгоднее ли сдавать их в аренду, предоставляя арендатору, как это делают за границей, перечень определенных условий, которые он должен соблюдать. Получая памятник в аренду, вы должны восстановить все в том виде, как было, и бережно сохранять. Приглашайте туристов, гостей... Но берегите достояние народа.

Сегодня эмблема Москвы - башенки, которые есть во всем мире. Почему они? Почему мы не можем оставаться той Москвой, которая была, со своими особенностями. Я не против строительства новых зданий. Но у нас столько пустырей, столько развалюх, в которых еще живут люди. Переселите их и стройте на свободном месте, ничего не разрушая.

Б. М.: - Я еще раз вернусь к высказанной мной мысли. Суть вопроса - в уважении общества и правительства к профессии архитектора. До тех пор, пока руководители Союза архитекторов России будут бояться выйти на контакт с главой государства, пока мы не привлечем к проблемам архитектуры первых лиц, пока они не поймут, что она

является краеугольной в культуре человечества, мы ничего не добьемся.

- Хотелось бы послушать, что думают по этому поводу молодые архитекторы! Что беспокоит сегодня вас, Сергей!

- Нарушение норм, правил, законодательства, несоблюдение экологии, уничтожение памятников архитектуры, которому всегда находится объяснение. Вспомним строительство МКАД. Когда начали сооружать развязку на Ярославском шоссе, пришли сотни писем от москвичей, призывающих спасти, сохранить малый Мытищинский виадук. Но его все равно снесли и на ровном месте начали сооружать развязку. А потом объяснили: жаль, конечно, виадук, но иногда приходится идти на жертвы... Зато!.. Вся политика сноса зиждется на этом... зато! Военторг снесли, зато на этом месте построят что-то еще лучше... Мы снесли ваш дом, но зато построим для вас дорогой бутик. Для вас, для всех! Неважно, что у вас нет денег, вы сможете туда заходить, смотреть...

Еще в советское время в Рахмановском переулке снесли дом XVIII века (он сохранился после пожара Москвы 1812 года), зато по-

строили для министерства автостоянку. Ничего с тех пор не изменилось. Не так давно в Кисловском переулке снесли здание XIX века, зато построили автостоянку...

Никто не обращает внимания на нарушение нормативов. Когда в подземных переходах начали строить торговые палатки, нормативы были сразу же погублены. Переходы стали в полтора раза уже. После взрыва у станции метро «Пушкинская» все начали говорить, что их надо снести, что это безобразие. А потом строительство возобновилось с новой силой.

Получается, что нормы нарушаются во благо, памятники архитектуры сносятся во благо... Какие-то оптимистические устремления. Так ведь все можно обосновать, объяснить и оправдать, нарушив закон.

В советское время у нас была бумажная архитектура. Придумав что-то интересное, архитекторы не могли воплотить свои задумки в жизнь, и все от этого страдали. Но при этом была критика и все более-менее уважительно относились друг к другу. Сейчас, когда появилась возможность строить, архитектурная критика исчезла. Архитекторы, съездив за границу, начина-

ют все охаивать, ругать товарищей за то, что они переняли прошлый опыт, идею... Не нравятся, видите ли, им башенки... Но пусть будут хоть разные башенки вместо однотипных серых зданий.

- Значит, нынешний облик Москвы вам, Сергей, не очень нравится!

- Конечно, в Москве больше интересных сооружений, чем, скажем, в Самаре, Ростове и так далее... Но это относительное большинство, потому что сотни зданий ничего не решают в масштабе города, их удельный вес низок.

В центре еще есть цвет, пластика... Но посмотрите с Северянинского путепровода в сторону Лосиноостровского... Картина удручающая: одинаковые здания, одинаковая кровля... Никто не думает о том, как придать городу местное своеобразие, поддержать цвет, силуэт... Ведь сталинские высоты, как бы к ним ни относились, достаточно органично интерпретируют форму русского зодчества. Недавно проезжал по метромосту в Коломенское и еще раз обратил внимание на силуэты домов на набережной. Как гениально простыми средствами архитектор Римма Алдони-на расположила разноэтажные

дома на набережной, как развернула их.

Сегодня у нас нет нормальной дискуссии, спора на профессиональном уровне. Если бы архитекторы уважали друг друга, масштабно решали бы вопросы архитектуры, вопросы панорамы Москвы, результат был бы иной. Я ожидал, что критика поднимется, а она резко опустилась...

Б. М.: - Старые архитекторы могут подтвердить, что критика в 30-е годы была гораздо сильнее и ярче, чем в 60-е и 70-е... Потери архитектурной критики идут постоянно. Раньше могли критиковать даже друзья. М. Гинзбург, например, написал статью и критиковал в ней всех троих авторов проекта Дома архитектора. Он говорил, что в целом это творческая удача, однако... И высказывал свои критические замечания в адрес А. Власова, А. Букова и М. Мержанова... А в конце статьи автор заметил: зачем мы их виним, мы себя должны винить, куда мы все смотрели, это же наш клуб, наш дом. И сразу понимаешь, что человек делает серьезный вывод. Сейчас же нормальной критики нет. И это очень печально.

**Беседовала
Берта БУХАРИНА.**